А. ГАРФ

ЧИМБИОКИ

ДЕТГИЗ 1945

CALL NUMBER:
891.74
G182
Oc

DATE DUE:
PAM BIND
m C.

VOLUME: COPY:
MISSING: IN USE
PERIODICAL DATES:
MONTH DAY YEAR
CHECK SEARCH

AUTHOR
Garf, Anna L' vovna, 1908-
G751
BRIEF TITLE:
Chimbioki

CHECK STATUS:
UNDERGRAD. GRAD. FACULTY NON-ACAD. PERMIT TYPE (PRINT)

BORROWER'S NAME AND IDENTIFICATION NO:
Souza
Special Language

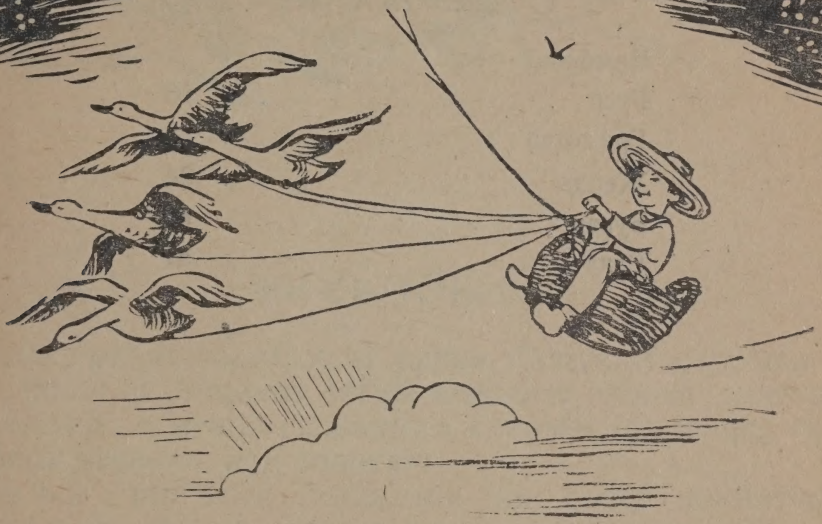
PRINT CAMPUS ADDRESS: CITY
DEPARTMENT: LIB'Y USE ONLY
SIGNATURE:

UNIV. OF ILL. LIBRARY
URBANA

UNITS LOCATIONS TENS
1 2 4 7 SF 0 1 2 4 7

А. ГАРФ

ЧИМБИОКИ



РИСУНКИ
И. БРЮЛИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
URBANA-CHAMPAIGN

СОДЕРЖАНИЕ

Чимбиоки 3
Гуси 16
Грамотей 26
Жердь 34
Буран 42
Елка 51

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Е. Костромина
Технич. редактор Р. Кравцова. Подписано к печати 10/II 1945 г. 4¼ печ. л. (3,95 уч.-изд. л.). 33280 зн. в печ. л. Тираж 30 000 экз. А14468. Заказ № 6342. Цена 3 р. 20 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49.

891.74
G182
Oc

ЧИМБИОКИ

Весело кричат воробьи за окном. Бабушка открыла со двора ставни, и дощатые стены комнаты словно вспыхнули, сделались огненно-рыжими, а соломенная шляпа брата Зуфера засияла, как золотая.

Мальчик Миргасим потянулся на своей подстилке, сощурился от яркого света и вдруг уткнулся в подушку, едва сдерживая смех: как забавно вчера прыгали скользкие головастики в соломенной шляпе брата Зуфера! Этой шляпой Миргасим черпал их из пруда. Головастики сперва плавали в шляпе спокойно, а когда вода вытекла, они давай скакать в ней, будто бешеные!

Вечером брат вернулся с работы и как закричит:

— Почему моя шляпа вся в тине?

Но Миргасим успел юркнуть под одеяло и притворился спящим. Так и не пришлось Зуферу расправиться с ним за шляпу.

«Зато сегодня он уж, конечно, не пойдет на работу, пока не отомстит», подумал Миргасим и опять закрылся одеялом, все еще притворяясь, что спит.

А Зуфер сколачивает рассохшуюся скамью и так громко стучит молотком, что даже чайная посуда на полках

звенит. У брата широкая, как у взрослого мужчины, спина и коричневый затылок с побуревшими от солнца волосами. Рук не видно, но Миргасим и так знает, уж не раз испытал: кулаки у Зуфера тяжелые, словно кувалды. А заступиться сейчас некому. Мать на ферме, сестренка Шакире в поле, даже бабушка и та куда-то ушла.

Солнышко, поднимаясь все выше, зажгло воду в стакане на столе, и она заискрилась, заиграла, будто вино. От стакана солнечные зайчики перекинулись на пол, рассыпались по всей комнате и прыгнули на полосатую подушку.

В носу защекотало, зачесалось, но Миргасим удержался и не чихнул.

«Ой, как надоело лежать и притворяться спящим! Надо как-нибудь постараться незаметно убежать из дому».

Черные плутовские глаза Миргасима следят за каждым движением брата: как он усердно трудится...

Короткий, обрызганный веснушками нос опять высунулся из-под одеяла, и пока Зуфер рылся в ящике с гвоздями, Миргасим успел натянуть под одеялом штаны и скатился с подстилки. Еще минута, и он выскочит за дверь. Но тут Зуфер внезапно оборачивается.

— Ты уже встал, Миргасим? Что же ты не берешь шляпу?

Застигнутый врасплох, мальчишка бормочет:

— Я ее никогда не трогал... Умереть мне на этом месте, если я ее вчера брал!

И при этом ясные глаза Миргасима смотрят так жалобно, так искренне.

— Ладно уж, хватит врать, говорят тебе — бери! Ну, чего пятишься? Я тебе эту шляпу дарю, слышишь? Дарю навсегда. Хоть галчат разводи в ней, хоть лягушек, мне теперь все равно.

«Ох, — морщит свой нос Миргасим, — уж лучше бы он сразу дал мне тумака — и дело с концом! Зачем он еще дразнит меня?»

А шляпа висит на стене, большая, светлая, с широкими полями.

«Сам же сказал: «бери», и Миргасим сорвал с гвоздя шляпу, нахлобучил ее по самые глаза и кинулся к двери.

Но в дверях бабушка:

— Куда это ты так спешишь, мой внук?

Миргасим стоит весь красный и молчит. А брат Зуфер как ни в чем не бывало продолжает стучать молотком по скамье.

— Бабушка, — говорит он наконец, отодвинув скамью, — бабушка, а ведь наш Миргасим...

Тут Зуфер глянул на братишку. Миргасим на всякий случай задергал носом, готовый, если понадобится, сейчас же заплакать.

— Бабушка, — повторил Зуфер и улыбнулся, — а наш Миргасим, должно быть, совсем забыл, какой сегодня день!

— Ах! — Сердце Миргасима вдруг застучало часто-часто, глаза повеселели. — Какой сегодня день? День моего рождения! Вот какой!

— До чего догадлив! Правда, бабушка?

Зуфер бросил молоток в ящик с гвоздями и вытер передником руки.

— Ты не забыл, Миргасим? Сегодня все ребята помогают в поле. Приходи скорей и ты.

Зуфер ушел.

А бабушка ласково взяла Миргасима за руку и подвела его к своей широкой кровати. Тут на горке разноцветных подушек лежал новый холщевый передник, точь-в-точь такой, как у брата Зуфера, только поменьше.

— Это тебе мама сшила, — сказала бабушка. — А это вот сестренка Шакире связала, — и бабушка протянула Миргасиму красные шерстяные носки.

Пока Миргасим любовался подарками, бабушка открыла свой заветный зеленый сундук, обитый медными полосами, и достала оттуда желтые кожаные башмаки.

— Носи на здоровье, мой внук, — сказала она и поставила их на пол, к босым загорелым ногам внука.

У Миргасима от счастья дыхание захватило. Башмаки пахли кожей, ваксой и еще чем-то очень приятным, вроде дегтя. Толстая подметка была подбита медными гвоздями, а на каблуках блестели светлые, как серебро, подковки.

Таких башмаков нет ни у Абдула-Гани, ни у Фаима, ни

у Фарагата, ни у Темирши, ни у кого во всей деревне. Много раз слышал Миргасим от бабушки про эти башмаки. Их сшил дед Миргасима для отца Миргасима, когда тому исполнилось семь лет. Он сшил их из самой лучшей кожи, какую можно было достать в те времена за большие деньги. После отца башмаки по очереди доставались Миргасимовым братьям: их носил Мустафа, который сейчас на фронте, потом башмаки перешли Зуферу. И хотя каждый ходил в них, пока не вырастала нога, башмаки были совсем как новые, прочные, словно железо. Башмаки эти назывались странным словом — чимбиоки. Такого слова, говорят, нет ни на каком языке. Слово это дедушка сам выдумал, потому что он был выдумщик.

В далекой от проезжих дорог деревне, где живет Миргасим, нет обычая, как в городе, праздновать день рождения. Этот праздник придумал все тот же дед. И теперь, после смерти деда, в семье отмечают внучатам каждому его день. Сегодня Миргасиму исполнилось семь лет, и вот пришла наконец его пора надеть чимбиоки.

Миргасим подпоясал красным шелковым платком свой хрустящий парусиновый передник, натянул красные шерстяные носки, надел соломенную шляпу и посмотрел в зеркало. Ох, и красиво! Осталось только обуться.

Но первый раз в жизни надеть башмаки вовсе не так просто. В башмаке столько дырочек с каждой стороны, и в каждую дырку надо продеть шнурок и концы надо завязать петелькой.

Звонко стучат башмаки на ходу: топ-цок, цок-топ, будто едет джигит на быстром коне.

— Но, но! — торопит Миргасим свою палку.

Ему не терпится выскочить на улицу, чтобы все ребята увидели, какой он нарядный. Но в сенях он вдруг останавливается:

— Бабушка, а гости придут?

Старуха в ответ только утирает концом головного платка свои выцветшие от слез добрые глаза:

— Э-э, алла! Какие теперь могут быть у нас гости, мой внук? От твоего отца больше года нет писем. Брат Мустафа недавно был ранен и уже снова воюет. Гитлер — да будет проклято его имя! — один во всем виноват.

— Проклятый Гитлер! — повторяет Миргасим слова бабушки и мрачный выходит на крыльцо.

Но солнышко светит так ярко, в теплом воздухе сверкают тончайшие осенние паутинки. Миргасим сразу забыл и про войну и про Гитлера; громко стуча подкованными каблуками, он сбегает с крыльца и спешит к своему любимому другу Абдулу-Гани.

На песчаной, еще не обсохшей от утренней росы дороге четко отпечатываются следы его подметок. Ясно видны и подковки и каждый гвоздик.

Окна избы, в которой живет Абдул-Гани, закрыты ставнями. Дверь снаружи приперта палкой. Белая кошка с черным ухом напрасно мяучит у порога. Хозяев дома нет — они все в поле. Миргасим постоял, повернулся и отправился дальше, вверх по улице. Но никто не вышел посмотреть на его новый передник, соломенную шляпу, красные носки и кожаные башмаки. Так дошел он до обмазанной глиной маленькой хибарочки с двумя окошками. Здесь живет известный задира, востроносый Фаим.

«Наверно, он с досады лопнет, как увидит башмаки!» улыбается Миргасим, входит в избу и видит: стоит спиной к нему дед Фаима, высокий босой старик в бархатной шапке и в белой рубахе без пояса. Он молится. Миргасим ждет, он не смеет даже кашлянуть, пока старик сам не заговорит с ним. Если уйти, не сказав «салям» — «здравствуйте», дедушка обидится. Но вот старик обернулся:

— Ты почему до сих пор еще не в поле? Фаим уже давно там.

Миргасим знает, что все ребята обещали председателю пойти сегодня собирать колоски.

— Время теперь военное, — говорит дед, — даже одно зерно грех оставить мышам.

Когда хлеб убирают машиной, то на земле остается где колосок, где два. Если их собрать, наберется порядочно. Но итти за колосками в таких нарядных башмаках, мять новый передник Миргасиму вовсе не хочется. Заложив руки в карманы, он шагает, глубоко вдавливая подошву, и, оборачиваясь, любуется на свои необыкновенные следы. Сначала он идет прямо вперед, потом задом наперед, чтобы лучше видеть отпечатки гвоздей и подковок.

— Эй, эй, смотри коня не раздави!

Миргасим оборачивается. По улице, припадая на правую переднюю ногу, мелко переступает пестрая лошаденка. Она тащит воз наливных, румяных яблок. На возу лежит врастяжку колхозный сторож Абдракип-бабай. Несмотря на жаркий день, он, как всегда, в шубе, из которой вылезают клочья ваты, и в такой же рваной ватной шапке.

— Говори, сколько колосьев сегодня собрал, ты, франт!

Миргасим молчит.

— Я тебе секрет один скажу, — подмигивает Абдракип-бабай: — даже если ты мало собрал, все равно получишь яблоки — председатель велел все ребятам раздать.

Словно прислушиваясь к разговору, лошаденка склонила голову набок. Ей, видимо, очень хотелось вступить в беседу, но Абдракип-бабай дернул вожжами:

— Эй, хайван! — и телега, визжа несмазанными колесами, покатилась дальше.

«Может быть, мне все-таки пойти в поле? — думает Миргасим. — Нет, теперь уж, пожалуй, не стоит. Я знаю: Зуфер, как увидит меня, обязательно скажет: «А, именинник... Колоски собирать тебя нет, а за яблоками прибежал». Нет, уж лучше не ходить».

Миргасим подождал, пока телега скрылась за поворотом, и направился к садам.

На деревню уже давно ползла мохнатая туча, и теперь она вдруг пролилась дождем. Миргасим едва успел укрыться под навес — дождь, как горох, застучал по крыше. Но солнышко не спряталось, и от этого струи дождя были похожи на сверкающие ледяные сосульки.

«В такой дождь на поле все равно не работа», совсем успокоился Миргасим.

Ух, какие пузыри запрыгали по лужам! Потом вдруг на небе выгнулась и встала, как ворота, семицветная дуга. Тут из-под всех крыш, со всех кустов сорвались и затрепетали в небе звонкие птицы. Миргасиму казалось, что они ныряют под самую радугу.

Говорят, если человеку под радугой пройти, он будет

самый счастливый на свете. Только это еще никому в деревне не удалось.

Но Миргасим сегодня такой счастливый! Он бежит в новых башмаках прямо под радугу, бежит без оглядки, потому что под радугой пройдет только тот, кто ни разу не оглянулся, даже если на дороге валяются пряники и сахар.

От дождя земля раскисла, ноги скользят и разъезжаются, будто идешь по тесту. Черные комья прилипают к башмакам, наворачиваются, как толстые шины. Каждый башмак весит теперь, пожалуй, с пуд. Миргасим, как журавль, то одну ногу подымет и стоит, счищая гвоздем грязь, то другую. Хорошо еще, что в кармане нашелся большой гвоздь. Миргасим и половины пути к саду не прошел, а устал как! Радуга давно погасла, но Миргасим и не смотрит на небо, до радуги ли тут! Ноги вязнут, с каждым шагом итти все труднее, а сады еще ой как далеко!

«Уж лучше бы я, как все, пошел с утра в поле», думает Миргасим. Но он уже прошел столько и с таким трудом, обидно возвращаться. Да и поздно уж. Колоски, наверно, и без него собрали, яблоки без него съели.

Ноги, натертые прочными, как железо, башмаками, словно в огне горят. С непривычки ходить в таких башмаках совсем невесело.

«Да что, они разве пришиты к ногам, будто и снять их нельзя? — подумал Миргасим, сел на край дороги и тут же разулся. — Спрячу их, — решил он, — а на обратном пути снова обуюсь».

Красные носки он сунул в карман, а башмаки положил под кустик. «Закидаю их травой, а то как бы прохожие не заметили».

Занятый этим делом, Миргасим не услышал чавканья лошадиных копыт и вскочил, когда телега обдала его грязью из колеи. Это Абдракип-бабай возвращался с поля.

— Эх ты, глухой! — рассердился он на Миргасима. — Куда идешь?

— Далеко.

Старик щелкнул языком, погрозил пальцем и прищурил левый глаз:

— Меня-то ты уж не обманешь. Я знаю, куда ты собрался.

Миргасим нахлобучил шляпу так низко, что из-под полей не стало видно даже носа.

— Айда-ка лучше в поле, — посоветовал бабай. — Ребята дождь переждали и сейчас опять работают, а яблоки делить будут вечером... Но, но, ты, хайван! — задергал вожжами старик.

«Да, уж теперь яблок в саду не нарвешь», думает Миргасим, глядя вслед сторожу.

Но раздумывал он недолго. Тряхнул головой и повернул обратно.

Ай, как легко бежать босиком! Земля после дождя такая теплая, мягкая.

Вот внизу заблестело поле спелых колосьев. Далеко, широко, до самого края неба!

Миргасим остановился. Он издали увидел, как, срезая под корень шелестящие волны хлеба, медленно плыл по широкому полю большой комбайн. Миргасим часами не уставал ходить по полю за комбайном, все любовался им. Как он похож на пароход! Настоящий морской корабль, совсем такой, как на папиросной коробке, которую Миргасиму подарил военком.

Только вместо дыма из трубы сыплется обмолоченное зерно и падает, стуча как дождь, в широкий ящик грузовика, который идет рядом. Когда насыплется полным-полно, подбегают к комбайну другие грузовики и, тарахтя, тащат хлеб к амбарам. Золотой груз блестит на солнце, словно шелк.

Как и все мальчишки, Миргасим больше всего на свете любил машины.

Вот бы покататься на комбайне! Да разве пустят...

А комбайн все ближе, ближе. Ноги сами понесли Миргасима навстречу машине.

На мостике у трубы, словно капитан, стоит Зианша, товарищ брата Зуфера. Вот счастливый! Если б Миргасим был постарше, он бы попросился к комбайнеру в помощники.

Комбайн шел, шел и остановился.

— Эй, Миргасим! — позвал Зианша. — Хочешь ко мне? Айда!

Миргасим стоит, разинув рот. Может, это не его зовут? Может, ему послышалось?

Но Зианша наклонился и протянул руку:

— Не бойся, лезь!

Миргасим уцепился за руку и очутился на мостике.

— Ой, как высоко тут!

Даже дух захватило у Миргасима.

Машина снова пошла. Ой! Миргасим пошатнулся, чуть не упал, ухватился за борт и видит: за комбайном все-все ребята идут. Они ворошат солому, которую выкидывает комбайн, ищут — не осталось ли в ней колосков.

— О-о, Миргасим на комбайне едет! — первый крикнул маленький Фаим. — Смотрите, смотрите!

Все ребята бросили собирать колоски и подбежали к комбайну.

Зианша рассердился:

— Прыгай вниз! Нечего тут бездельников собирать.

Миргасим нехотя сполз вниз.

— Э-э, какой у него передник! — удивляются ребята.

— А шляпа-то, а шляпа!

Абдулу-Гани, Фаиму, Темирше, Фарагату — всем хочется потрогать Миргасимовы обновы.

— У меня есть еще и башмаки, — хотел он похвастаться, да увидел издали брата Зуфера и промолчал.

Миргасим даже отошел в сторонку, чтоб ребята не услышали, как Зуфер станет ругать его за то, что поздно пришел, — ведь Зуфер здесь бригадир.

Рядом с Зуфером, опираясь на костыль, шел недавно вернувшийся с фронта председатель колхоза, дядя Растям. Миргасим даже вспотел от смущения: вот сейчас председатель услышит, как Зуфер назовет его лентяем и лоботрясом.

Они поровнялись.

— Дядя Растям, — говорит Зуфер, не глядя на Миргасима, — вот еще один человек из нашей семьи.

Председатель колхоза поднял опущенные поля Мирга-

симовой шляпы и усмехнулся, увидав облупленный веснущатый нос.

— Молодец!

В ответ на это засияли два черных глаза и заиграла ямочка на правой щеке.

— Как он вырос, ваш Миргасим! — говорит Зуферу председатель, и они идут дальше.

Миргасим, смутившись, опустил глаза и увидал в соломе крепкий, полный зерном колос, похожий своими щетинками на золотистую гусеницу. Он поднял его и опустил в свой новый хрустящий передник.

Как весело, как хорошо сегодня в поле! Миргасим забыл про башмаки и про яблоки, ему захотелось собрать колосков больше, чем все, потому что он в самом деле молодец.

— Если соберем целую корзинку, — говорит он своему другу Абдулу-Гани, — значит, мы победили, а если не соберем, все пропало — значит, отступаем.

Длинные тени пересекают поле, оранжевыми стали ребята, багровое солнце медленно скатывается по небу к пруду.

— Понимаешь, — шепчет Миргасим, — мы погибли, мы, значит, отступаем, если не соберем. Собирай, торопись, пока спят враги!

И верный Абдул-Гани старается, собирает. Глядя на двух приятелей, и длинный Темирша начинает беспокоиться. Ему тоже хочется, чтобы непременно корзина была доверху полна. Толстый Фарагат, не разгибаясь, бредет по полю.

— Посмей только отступить, я покажу тебе, как отступать! — грозит толстяку Миргасим, и Фарагат покорно ищет колоски.

Даже хитрый Фаим не решается итти домой.

— Мы победим, мы победим! — говорят ребята, бросая в корзину пригоршни колосков. Увлеченные новой игрой, мальчишки забыли о награде.

— Скоро ли они за яблоками придут? — закричал весовщик председателю, который на бричке возвращался домой.

— Собирай, собирай, давай еще соберем! — командует Миргасим.

Но ребята уже не слушают его, они бегут за яблоками.

О, что за яблоки! Каждое из них потянет не меньше полукилограмма. Такое яблоко в один раз не съешь.

Ах, на яблонях свои
Свили гнезда соловьи!

Во все горло поет Миргасим, возвращаясь домой.

До чего вкусно пахнет горячая картошка!

Ведь Миргасим весь день ничего не ел. Вся семья уже собралась на полу вокруг красной скатерти, на которой поет, свистит и сияет медный самовар.

— Попробуй, мама, до чего сладкие! — говорит Миргасим, выкладывая яблоки на скатерть.

Мать взяла яблоко и сказала:

— Они особенно сладки, сынок, оттого, что ты сам их заработал. Если жив будет отец, я напишу ему, что теперь все наши дети на своих ногах стоят, все работают, даже Миргасим.

Отвернувшись, она фартуком отерла слезу.

— А чимбиоки где? — вдруг спохватилась бабушка, увидав красные носки, торчащие из кармана внука.

Миргасим поскорее поджал под себя босые грязные ноги.

— Я, я... — заторопился он. — Бабушка, ты не бойся, честное слово не бойся, я их найду, по следам найду, ведь следы-то с гвоздиками, ты не бойся!

Он успокаивает бабушку, а у самого слезы навернулись на глаза, потому что он забыл, где оставил башмаки, а по следам разве найдешь их! Ведь за день все следы на дороге смешались.

— Бабушка, ты не бойся, я найду их. На дороге очень ясные следы. Только у меня одного каблуки с подковками...

— Да уж, ясные, — усмехнулся брат Зуфер, — если чимбиоки по этим следам сами домой пришли, — и он

показал на печку, где стояли и сушились чисто вымытые башмаки.

— Ой, закрой рот, Миргасим, — пищит сестренка Шакире, — а то самовар проглотишь.

Миргасим бросился к печке, достал свои башмаки и прижал их к груди.

— Я знаю, это Абдракип-бабай принес их!

— Уф, алла, до чего же он стал умен, наш Миргасим, с тех пор как ему исполнилось семь лет! — вздохнул брат Зуфер. — Теперь уж и обмануть его нельзя, ну просто никак невозможно.

ГУСИ

Однажды вечером Миргасим играл с приятелями в городки. Все ребята удивлялись ему: что ни ударит Миргасим, то чурку собьет, так и бьет без промаху всю игру. А лучший друг Миргасима, рыжий Абдул-Гани, все мажет, мимо да мимо. Уж он и глаз щурит, и битку крутит, и присядет, и на цыпочки встанет, а как бросит палку, опять промажет.

— У меня заколдованная битка, — тихонько говорит Миргасим своему приятелю. — Вот возьми-ка, попробуй, а мне дай твою, я ее тоже сейчас заколдую.

Он отошел к плетню и начал бормотать заклинания:

— Ашенгерби, шуубрахман, гюль-гюль арда...

За плетнем на бревнышках собрались женщины. Спать еще рано, а работать поздно; как раз самое время немного отдохнуть и посудачить.

— Счастливая тетка Бике! — слышит Миргасим имя своей матери.

— Да, счастье иметь таких детей: Мустафа орден получил, Зуферу всего четырнадцать лет, а на работе он лучший бригадир и в доме настоящий хозяин.

— А Шакире, до чего ловкая эта маленькая Шакире! Видали вы, как она полы моет? У них в доме пол всегда белый, как серебро.

— Да, уж действительно, хорошие дети у этой Бике. А что же вы, сестры, ничего не скажете о ее ненаглядном Миргасиме?

По скрипучему голосу Миргасим сразу узнал бабку Хайрибанат.

— Видали вы, — скрипит старуха, — как он вчера барану шляпу надел и посадил его на тачку?

Женщины засмеялись.

— Ишь, смеются! Смейтесь, вам смешно: он в эту тачку не вашу, а мою козу запряг, — скрипит старуха.

— Ха-ха-ха! — еще веселее засмеялись женщины.

— И еще колокольчик ей на шею привязал да пустил по деревне.

— Очень жаль, но этот мальчишка растет продувным бездельником, — покачал головой дед Фаима. — Помню, и покойный его дедушка тоже любил пошутить, но зато какой это был работник! С малых лет он уже дратву сучил.

— Что правда, то правда, — соглашаются женщины. — Бездельник этот Миргасим, настоящий бездельник.

— Миргасим! Твоя очередь, скорее! — зовут мальчики.

Миргасим с досады так стукнул по плетню заколдованной биткой, что все женщины в испуге вскочили, а он побежал к ребятам.

— Ну, давай, бей, — заторопили друзья.

— Нет, я больше не играю. Сами сначала смеются, а потом ругают бездельником. Разве мы бездельники?

— Кто так сказал? Кто сказал? — зашумели ребята.

Играть в городки им надоело, а расстаться с битками жаль. И вот палки тут же превратились в винтовки, пики и мечи.

— Шагом марш! — командует Миргасим. — Левой, левой...

Так маршируют они по деревне и останавливаются против правления колхоза. Миргасим командует:

— Смирно!

Из окна выглянул председатель.

— Здорово, допризывники! Как дела, Миргасим?

— Дел нет, — отвечает Миргасим и неожиданно для самого себя говорит: — Дай нам дело, дядя, мы хотим работать.

— Работать? — Председатель вынимает трубку изо рта. — Ладно, подумаю.

— Он смеется! — шепчет востроносый Фаим длинному Темирше.

Но председатель и не думает шутить.

— Вот что, — помолчав, говорит он: — на току гуси жрут зерно. В огородах они подрывают картофель. Хотите гусей пасти? Позволят вам из дому на целый день в луга уйти?

«А ведь это хорошо, — думает Темирша, внук злющей Хайрибанат. — Это здорово — уйти от бабки на целый день!»

Абдул-Гани тоже рад убежать подальше от своей мачехи, которая заставляет его нянчить малышей.

— Пожалуй, проголодаешься, — соображает вслух толстый Фарагат. — Нужно с собой в поле еду брать.

И Фаиму не хочется отстать.

— Если дедушка не пустит, я все равно убегу, — говорит он Темирше.

Ночью Миргасим раз шесть будил бабушку:

— Пора картошку варить...

Пастухи ведь встают раньше всех. Как бы не проспать!

Наконец в сарае громко захлопал крыльями петух и хрипло прокричал свое «ку-ка-ре-ку!» Миргасим выскочил на улицу. В прозрачном небе еще дрожали побледневшие звезды, но пастушата уже повыгоняли гусей со дворов. У каждого в руке хворостина. Абдул-Гани даже заткнул за пояс ременный кнут.

— Му-о! — грозно затрубил бык.

Щелкнул бич пастуха. Хозяйки начали открывать ворота. Коровы, овцы, козы вышли из дворов.

Но можно ли сравнить их с гусями? Гуси, будто кто их выучил, идут один за другим. Они не спотыкаются, как коровы, не шарахаются из стороны в сторону, как овцы, не кричат бестолку, как козы.

Мальчики молча идут за гусями. У каждого за пазухой кусок хлеба, лепешка или вареный картофель в кожуре. Миргасим завернул в тряпку соли для всех.

Как ловко щелкает своим длинным бичом коровий пастух: щелк да щелк!

— Мы тоже научимся щелкать, — утешает Миргасим Абдула-Гани. — Еще громче будем щелкать. Всех перещелкаем!

Пастушата идут со своими гусями мимо колючего, как щетина, сжатого поля, мимо еще не тронутой серпом золотистой пшеницы. Весной бабушка говорила Миргасиму: «Выйди в поле, послушай, как звенят острые сабельки. Это пробиваются из-под земли молодые зеленя». И теперь Миргасиму кажется, будто он слышит густой звон стеблей, склоненных под тяжестью спелого колоса.

Гуси степенно разбрелись по зеленому простору луга, щиплют траву. Миргасим прилег отдохнуть. Подперев ладонями подбородок, смотрит он на гусей, будто таких птиц никогда не видывал прежде. Их длинные шеи кажутся ему похожими на змей. Абдул-Гани, размахивая кнутом, учится щелкать. Да, это не так просто.

Вдруг рассерженный щелканьем гусак вытянул шею и, тяжело шлепая красными лапами, побежал прямо на Абдула-Гани. Как змеиное жало, торчал из разинутого клюва твердый язык. Шипя по-змеиному, гусак вцепился в подол рубахи. Абдул-Гани пробовал отбиться кнутовищем. Гусак вырвал клок из подола, но не отступил. Хлопая крыльями, он смело налетал на пастушонка. Миргасим бросился выручать приятеля, но гусак так долбанул его в лоб, что Миргасим чуть не упал.

Абдул-Гани бросил кнут и побежал, за ним и Миргасим.

— Думаешь, это гуси? — говорит Миргасим, потирая шишку на лбу. — Это драконы, вот кто. Настоящие драконы. Они только притворяются, что гуси.

«Может быть, бабка Хайрибанат тоже драконiха?» подумал Темирша.

Абдул-Гани доволен, что гуси оказались драконами, а то уж очень обидно остаться без кнута, да еще в разодранной рубахе из-за обыкновенного гусака.

Фарагат удивлен:

— Драконы?! И чего только не бывает на свете!

Сощурив глаза, недоверчиво усмехается маленький Фаим: «Вот уж что выдумал этот Миргасим!» Но он не смеет сказать это вслух.

А гуси наелись травы и, волоча по траве животы, плетутся вперевалку к речке. Завидя мальчишек, они растопырили крылья, а шеи их так и стелются по земле. Сердитый Абдул-Гани кричит:

— Держи их! Не надо пускать их к воде!

— Конечно, — спохватился Миргасим. — Если они драконы, то, пожалуй, еще всю воду могут отравить.

И мальчики побежали наперерез гусям. Напрасно вытягивают гуси свои змеиные шеи, хлопают драконьими крыльями — мальчишки не отступают.

— Держись, ребята! — кричит Абдул-Гани.

Гуси пошумели, покричали, потом вдруг распахнули крылья, оторвались от земли и полетели. Перемахнули через головы мальчишек, сели на воду и поплыли.

— Упустили! — в отчаянии машет кнутом Абдул-Гани.

«Эх, — думает Миргасим, — если б у меня были крылья!..»

В клубах пыли возвращается стадо.

— Му-оо! — кричит бык, поворачивая домой.

— Му-му! — отвечают коровы.

— Ме-бе! — блеют овцы, орут козы.

Пахнет парным молоком и навозом. Пастушата с трудом собрали свое гусиное стадо и следом за взрослыми пастухами шагают в деревню.

Как и все дети в этой деревне, Миргасим спит на полу. Улегшись на свою подстилку, он все думает о крыльях и вдруг замечает под бабушкиной кроватью большую круглую корзину, в которой гусыня весной сидела на яйцах.

«Что, если самому сесть в эту корзину, запрячь гусей, щелкнуть кнутом?.. Вот загудит пропеллер, гуси захлопают крыльями. Непременно завтра попробую».

Голова Миргасима упала на подушку; он улыбается во сне и причмокивает губами, улетая на гусях все дальше — за леса, за моря, все выше — за горы, за облака, к самым звездам.

Миргасим проснулся чуть свет и тайком от бабушки утащил с собой на луг круглую корзину.

Мальчишкам очень понравилась затея Миргасима — полетать на гусях. Они тут же сбегали домой, раздобыли веревок, лыка, притащили тряпки, пояса, шнуры. Упряжь

теперь есть, но как же гусей запрячь? Их не поставишь между оглоблями — тогда они не смогут распахнуть крылья, на них нельзя надеть хомут — они сразу выскользнут и улетят, их и не взнуздаешь — шея слишком длинна. Пожалуй, лучше всего затянуть лапы в петли.

Пастушата так увлеклись, что ни один не заметил, как спустилось солнце. Никто из них не услышал, как бык заревел свое «му-оо!» и повел стадо в деревню.

Гуси сегодня не шагали следом за овцами и козами, они бились в петлях, а мальчишки крепко держали концы веревок. Миргасим сел в корзину.

— Ты готов? — спросил Абдул-Гани и махнул платком.

— Тррр... жжжж... — подражая пропеллеру, закричали мальчишки и отпустили веревки.

С диким клекотом рванулись гуси, побежали, замахали крыльями. Корзинка вот-вот оторвется от земли, и Миргасим взлетит к облакам. Но — трах!.. — корзина опрокинулась. Миргасим упал лицом вниз. Гуси запутались в веревках, хрипят, кричат. Распутать петли не так-то просто, да еще когда гуси норовят тебя ущипнуть и шипят, словно клубок змей.

— Ох, и влетит же мне теперь от бабки! — тоскливо вздохнул Темирша.

Ребята хорошо знают старую Хайрибанат.

— Беги, беги домой, Темирша, — говорят они ему.

Фаим вспомнил о своем дедушке и тут же исчез. Толстый Фарагат поспешно собрал переполошенных гусей и погнал их в деревню. Но что делать с гусями, которые бьются, запутавшись в упряжке? Один за другим разбежались струсившие мальчишки. Но Абдул-Гани, которому мачеха часто обещает оборвать уши и уж не раз пробовала это сделать, вовсе не торопится домой. Он стоит, опершись на длинное кнутовище, и молчит.

— Мы с тобой давай останемся, — говорит Миргасим. — Если этих гусей ночью волки съедят, нам еще хуже влетит. Верно ведь?

— Верно, — соглашается преданный друг.

— И, знаешь, пусть хоть дождь, хоть буря, а мы не уйдем. Да? Будем этих гусей до утра стеречь.

Понемногу гуси успокоились. Где-то недалеко закрича-

ла сова, и опять все затихло. Глаза у ребят сами собой закрылись. Но спать им не пришлось. Они оба сразу проснулись и вскочили на ноги, когда услышали громкие плачущие голоса.

— Ай-ай-ай, это моя гусыня лежит — честное слово, моя! Смотрите, добрые люди, не может подняться.

— А у моего-то гусака крыло сломано, ой-ой-ой! Глядите, сколько гусей покалечено! Чьи это? А где же он сам, главный пастух?

— Га-га-га! — хриплым басом ответили гуси.

— Ах, разбойник он, этот Миргасим!

— В тюрьму его, в тюрьму за это!

Сразу узнали мальчишки голос бабки Хайрибанат и бросились бежать в разные стороны.

— Никогда, никогда не вернусь я в деревню... — шептал Миргасим, задыхаясь от бега.

Так бежал он, пока не упал в глубокую яму. Это еще весной он с мальчишками играл в войну и сам вырыл здесь окопы.

«Хорошо, что я упал сюда, — думает Миргасим, лежа на дне ямы и потирая ушибленную ногу. — Теперь я отсюда никуда не уйду, никогда не встану. Пусть меня волк съест».

Тоскливо лежать в холодной яме, на сырой земле, точно в могиле. Правая нога совсем замлела, стала как деревянная. Миргасим потер ногу, ощупал свои чимбиоки. До чего крепкая кожа, даже волку ее не сгрызть. Вот найдут мои башмаки, бабушка вздохнет: «Э, алла! Ничего-то от нашего Миргасима не осталось, только эти чимбиоки!» — «Была еще у него моя соломенная шляпа», вспомнит брат Зуфер, а мать заплачет: «Ах, Зуфер, и ты и я — зачем мы его так часто бранили?..»

Наверху чуть слышно хрустнул сухой стебель.

«Это волк!» вздрогнул Миргасим.

Хрустнуло поближе.

«А может быть, это медведь?»

Зашуршало у самого края щели. На руку упал комочек сухой глины, и тут же что-то пушистое, маленькое, перебирая холодными лапками, пробежало по лицу мальчика.

— Ай! — вскричал не своим голосом Миргасим. — Ай, мышь!

Не помня себя от страха, он выскочил из ямы и, не разбирая дороги, помчался домой.

Как он был рад, когда наконец взбежал на крыльцо своего дома! Но на двери висел замок. «Может быть, они ночуют на сеновале?» подумал Миргасим и позвал:

— Бабушка, а бабушка!

Никто не ответил.

— Бабушка-а! — крикнул он.

Из темноты отозвался Абдул-Гани:

— Не ори! Их нет дома, их вызвали всех в правление из-за гусей. Ты не ходи туда, там суд. Еще и правда посадят в тюрьму!

— Как в тюрьму? Кого? — И Миргасим бросился бежать к правлению. Неужели из-за него бабушку в тюрьму посадят?

Около двери правления Миргасим остановился. Боязно итти туда совсем одному, но что делать...

Мальчик вошел в сени, тихонько толкнул дверь. В правлении лампа сияла так ярко, что Миргасим зажмурился, но тут же вошел и спрятался за дверь. Людей собралось столько, что нехватило даже скамеек: кто сидел на подоконнике, кто прижался к стене. Все шумели, кричали, говорили все сразу. Брат Зуфер, весь красный, подошел к столу. Бабушка плакала, закрыв лицо платком. Мать сидела опустив голову. Сестренка Шакире тоже была здесь.

— Разбойник! Бандит! — перебивали друг друга женщины. — Всех ребят он испортил, настоящий заводила, покалечил столько птицы! Сейчас с тридцати гусей одной ложки сала не соберешь, а через два месяца с одного гуся можно по три фунта снять.

Мать молчала, а бабушка просила женщин:

— Пожалуйста, возьмите у нас барана! Пусть его продадут и заплатят всем, у кого подшиблены гуси.

— Вот еще! — перебила ее бабка Хайрибанат. — Не надо нам твоего барана, отдай нам гусей.

— Да, да, гусей! — подхватили женщины.

Председатель поднял руку, и в комнате стало тише.

Только одна бабка Хайрибанат все не могла успокоиться:

— Барана, подумаешь, барана! При чем тут баран? Отдавай гусей, да и все тут.

— Вот это правильные слова, — согласился председатель. — Баран тут ни при чем. Пострадали гуси, и будем говорить о гусях. Когда я был на Украине, то видал, что хозяйки нарочно сажают птиц в клетки. Птица ест много, а двигается мало и от этого очень жиреет. Давайте и мы так сделаем. Мальчишки покалечили гусей, ну и пускай теперь сами их откормят в клетках. А когда раскормят...

Гул смеха прервал речь председателя. В этой деревне еще никогда не видели гусей в клетке.

Председатель замолчал и опять поднял руку. И тут в наступившей тишине все услышали странный хлюпающий звук. Обернулись и видят: стоит в дверях Миргасим и громко плачет. Ему уже давно хотелось заплакать — еще когда он вывалился из корзины. Потом — когда Абдул-Гани не пошел с ним в правление. А теперь, после добрых слов председателя, слезы почему-то хлынули сами собой.

— Что-ооо? Опять отдать гусей Миргасиму?! — У бабки Хайрибанат даже губы побелели от злости.

— Тише, не кричи ты так, бабушка, — уговаривали соседки сердитую старуху. — Ведь у Миргасима есть сестренка Шакире.

— А, это другое дело. Если Шакире будет за гусями ходить, тогда я тоже согласна посадить их в клетку. Помню, как она в прошлом году выходила на ферме больного теленка. Был он как муха, а теперь что за бычок стал!

Все оглянулись на Шакире. Девочка даже закрыла лицо передником от смущения и, натыкаясь на скамьи, выбежала на улицу — так неловко ей стало от похвал.

ГРАМОТЕЙ

Все люди должны умываться каждый день, и Миргасиму, конечно, тоже приходится умываться, но делает он это по-своему: смачивает кончик носа и глаза, а по праздникам и щеки. Но сегодня день совсем особенный. Он провел мокрыми пальцами вдобавок и по ушам. Однако этого оказалось мало. Сегодня мать не пошла на ферму, поднялась она еще затемно, истопила баню и повела туда Миргасима. Мыла его, терла мочалкой, парила веником, поливала кислым молоком, споласкивала сывороткой.

И все равно не отмылись веснушки на носу и такими же черными остались хитрые глаза. Зато голова блестела совсем как новая. Это уж брат Зуфер вчера постарался — выбрил Миргасима отцовской бритвой чисто-начисто. Такая белая получилась голова, что лицо теперь, после бани, кажется еще чернее, а над левой бровью, там, куда всегда падал вихор, осталась белая отметина, будто кто-то соскреб с этого места весь загар.

— Мама, — говорит Зуфер, — наш Миргасим вертится перед зеркалом, как невеста.

— Мама, — подхватила сестренка Шакире, — он обязательно опоздает в школу! Я его не буду ждать, пускай он сам в первый день опаздывает, а я не хочу. — И, повязав новую косынку, Шакире убежала в школу.

Мать взяла своего Миргасима за подбородок. Ей хотелось сказать ему о том, как отлично учились его старшие братья, как хорошо ведет себя в школе прилежная Шакире, но вместо этого она наклонилась к своему младшему сыну, погладила его по спине, обняла и сказала:

— Пожалуйста, не балуйся там, Миргасим.

— Да он вовсе не собирается уходить! — беспокоится бабушка. — Абдул-Гани уже давным-давно пошел, а наш Миргасим, видно, хочет опоздать.

Что случилось с Миргасимом, даже бабушка не понимает. Ведь он всю неделю так старался, так торопился в школу. Сам сшил себе сумку, выпросил у Зуфера чернильницу, у Шакире отнял пенал; даже тряпочку, чтобы перо вытирать, приготовил. Так хотелось ему поскорее учиться. А сегодня, когда пришел этот день, Миргасим как будто вовсе забыл о том, что нужно уходить. То наденет сумку через плечо, то снова положит ее на стол, то зашнурует, то опять расшнурует чимбиоки.

По правде говоря, Миргасим нарочно медлит, потому что боится итти в школу. Он только вчера узнал, что в первом классе будет учить Фатыма-апа [1], а с ней Миргасим хорошо знаком.

Прошлой весной брат Мустафа, который тогда еще не был на фронте, каждый вечер писал этой учительнице, а Миргасим всегда относил эти письма. Но вот однажды брат Мустафа, вместо того чтобы писать, очень долго мыл и намыливал руки, опрокинул на голову целый флакон одеколона, расчесал волосы на пробор, повязал галстук и, ни слова не говоря, вышел на улицу.

— И я с тобой! — выскочил за братом Миргасим.

— Куда это со мною? — строго спросил Мустафа. — Тебе спать пора!

«Как бы не так! — подумал Миргасим. — Сам в гости, а меня спать! Вот еще, я тоже в гости хочу».

Однако спорить со старшим братом он не посмел и послушно остался на крыльце. Но постоял он недолго — только дал Мустафе отойти недалеко, а потом крадучись отправился за братом.

Брат Мустафа подошел к избе, в которой жила Фаты-

[1] Апа — по-татарски обращение к старшей, тетя.

ма-апа, и постучал в окошко. Апа в белой шали выбежала на крыльцо и что-то зашептала ему. Девушки всегда шепчутся. Интересно знать, что такое она брату Мустафе так долго шепчет? И, чтобы подслушать, Миргасим, как кошка, вскарабкался на ворота. В эту минуту из-за туч вышла большая, как фонарь, круглая луна, и в ее ясном свете Миргасим увидел, что Фатыма-апа и брат Мустафа целуются. Неизвестно почему Фатыма-апа тут же глянула вверх. Глаза учительницы и Миргасима встретились. Но не успела она вскрикнуть, как Миргасим уже скатился со столба и умчался.

И вот, с того самого вечера, когда Фатыма-апа видит Миргасима, она слегка краснеет и смотрит в сторону. А Миргасим наоборот, где бы он ни встретил Фатыму-апа, нарочно пялит на нее глаза.

«Вот теперь-то уж она мне покажет!» тоскливо думает Миргасим, нехотя шагая в школу.

Еще издали услышал он в школе веселые голоса ребят. Звонка еще не было. Играла гармоника, девочки пели, мальчишки боролись. Приятели кинулись навстречу Миргасиму:

— Садись со мной!

— Нет, лучше тут сядь.

— Давай вместе.

А Миргасим будто не слышит. Никому не отвечая, забрался на самую последнюю парту и уселся там тихо, как мышь.

Но сегодня каждый ведет себя не так, как всегда, и поэтому никто не замечает в Миргасиме странной перемены. Вчерашние озорники сегодня стали школьниками. Первый раз в жизни они сели за парту. Впервые перед ними открылись книжки и тетради.

Фатыма-апа вошла в класс.

— Здравствуйте, ребята! — сказала она и показала, как надо откинуть крышку парты, чтобы встать и ответить: «Здравствуйте, апа!»

С непривычки Миргасим уронил крышку, и она грохнула.

— Не надо спешить, Миргасим, — сказала апа. — Ты встань еще раз и откинь парту тихонько.

«Ну вот, начинается!» подумал Миргасим, но не посмел возразить, встал и тихонько опустил крышку парты.

— Садитесь, ребята!

Начался урок. Учительница показывала каждому, как нужно держать карандаш, чтобы писать палочки. Когда она подошла к Миргасиму, у него от страха точно пчелы зажужжали в ушах, и он не понял, что она ему сказала. Не поднимая глаз, он взял из рук апа карандаш и уставился в тетрадь. Потом, когда апа перешла к Абдулу-Гани, Миргасим, скосив глаза, исподтишка взглянул на Фатыму-апа. Снова глаза их встретились. Легкий румянец выступил на щеках, на лбу и на шее учительницы. Заметив ее смущение, Миргасим обрадовался, раскрыл во всю ширь глаза и уставился на Фатыму-апа. Но апа будто и не замечала его дерзкого взгляда.

— Эта палочка очень хорошая, прямая, как минарет,— говорит она Абдулу-Гани.

— А у тебя все палочки спать ложатся, — поправляет она тихоню Фаима.

— О, Темирша, ты настоящие оглобли поставил!

Так апа подходит ко всем, только не к Миргасиму.

— Фарагат, почему ты вертишься?

— Фаим, не надо болтать ногами.

— Абдул-Гани, сядь прямее.

А Миргасиму апа ничего не говорит.

«Боится она меня, вот что», решил Миргасим, и лукавая ямочка вновь заиграла на его правой щеке. Он задорно шмыгнул носом, улыбнулся и весело подмигнул Абдулу-Гани, которому он еще весной под большим секретом рассказал, как Фатыма-апа целовалась с Мустафой. Но рыжий друг не ответил: он сидел насупившись, зажав карандаш в кулаке, и водил им по тетради с такой силой, что карандаш не выдержал и сломался. Абдул-Гани смутился, открыл было рот, но потом махнул рукой и мрачно закусил губу.

— Апа! — вдруг прозвучал голос Миргасима.

Все ребята оглянулись.

— Апа, Абдулу-Гани надо карандаш очинить.

Учительница подошла к Абдулу-Гани и очинила карандаш.

— Миргасим, — шепчет Фарагат, тоже посвященный в тайну брата Мустафы, — Миргасим, у меня живот заболел, скажи!

— Апа, — смело сказал Миргасим, — Фарагату надо выйти.

— Иди, Фарагат, — говорит учительница.

— Счастливый этот Миргасим, — тихонько говорит своему соседу Фаим. — Его брат Мустафа на этой учительнице хочет жениться. Я бы тоже не боялся, если бы у меня был такой брат.

Миргасим услышал это.

— Пусть она только попробует, я все Мустафе расскажу, — шепчет он.

Ему уже надоело писать палочки. Всё палочки да палочки — целый лист палочек. Он смотрит на них и начинает улыбаться: как эти палочки похожи на зубья бороны! Миргасим обводит их карандашом. Вышел четырехугольник. Правда, получилась борона. А где же лошадь? И он рисует лошадь. Но на листе уместились только три ноги. Куда же девалась четвертая? А! ее немцы ранили. Значит, надо нарисовать ей костыль.

Лошадь на костылях!

Ребята заглядывают в тетрадь Миргасима и смеются.

Фатыма-апа оборачивается, подходит и тоже глядит в тетрадь, но Миргасим нисколько не смущается. Он поднял голову и, улыбаясь, смотрит на учительницу.

— Встань, — вдруг спокойно сказала Фатыма-апа, — встань и выйди из класса.

От неожиданности Миргасим даже не понял, что Фатыма-апа говорит.

— Я с тобой на перемене еще потолкую. Иди! — добавила она.

— Хи-хи-хи! — слышит Миргасим за своей спиной писклявый смех тихони Фаима.

Кулаки Миргасима сжимаются, но он сдерживает себя и, не оглядываясь, выходит за дверь.

— Больше я не буду у нее учиться. И вовсе не хочу учиться!

Миргасим спускается с крыльца.

— Не буду, не буду! — повторяет Миргасим, захлопывая калитку.

Но не успел он выйти на улицу, как увидал доярок. Они несли на сливной пункт прикрытые полотенцами ведра с молоком. С доярками могла быть и его мать. Чтобы не попасться ей на глаза, Миргасим забежал в двери сельсовета и остановился в сенях. Из комнаты в сени долетали голоса, кто-то горячо о чем-то спорил. Громко разговаривая, люди вышли в сени, и Миргасим едва успел скрыться от них в соседний чулан. Там было совсем темно, пахло мышами, пылью, плесенью, под ногами шуршали старые газеты и конторские бумаги. Когда глаза Миргасима привыкли к темноте, он увидал светлые щелки. Это было забитое фанерой окно. Миргасим рванул фанеру, и в чулане стало сразу светло и весело. Под окном валялась книжка. Переплет у нее был оторван, одни листы были обгрызены мышами, другие склеились от сырости. Зато какие в этой книжке были картинки! Разъяренные волки гнались вверх ногами за козами, а козы спасались, убегая на своих рогах; люди ходили на голове, дома стояли крышами вниз.

— Хо-хо, вот бы показать это бабушке!

Схватив книгу, Миргасим бегом пустился домой.

— Бабушка, посмотри, что за книгу я нашел! — чуть не опрокинув ведро с водой, ворвался в комнату Миргасим.

Бабушке некогда, она спешит начистить и сварить к обеду картошку. Но, чтобы не обидеть любимца, она, не выпуская ножа из рук, заглядывает в книгу и, ничего не разобрав, поддакивает:

— Да, хорошая книга. Учись, учись, мой внук.

Миргасим лукаво улыбается:

— Нет, ты как следует посмотри!

Бабушка положила картошку в котел, теперь можно сесть рядом с внуком. Старушка надела очки и начала разглядывать картинки.

— О, мой внук, как же такую корову доить? Этого не может быть, чтобы где-нибудь коровы ходили вверх ногами.

— Но, бабушка, ведь это же напечатано в книге, а книгу я взял в сельсовете.

Бабушка качает головой:

— Чего только нет в этих книгах!

Так сидят они на полу, поджав ноги, и смеются, пока не приходит брат Зуфер.

— Чему вы смеетесь? — спросил брат, заглянув через плечо бабушки. — Эх, вы, грамотеи! — усмехнулся он, взял книгу из рук Миргасима и перевернул ее. Все люди, звери сразу встали на ноги.

— Ой, ведь это совсем неинтересно так смотреть, — огорчился Миргасим.

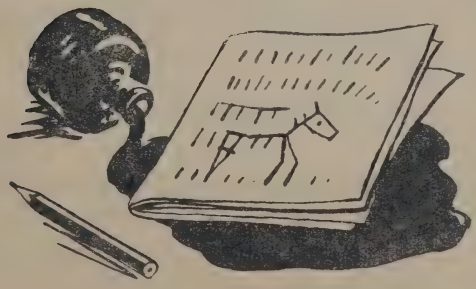
— А рвать книги интересно? Зачем ты этот учебник географии так изодрал?

— Хлебом насущным клянусь, я ничего не рвал.

— Правда, Зуфер, он не рвал, — уверяет бабушка. — Миргасим был в сельсовете и там нашел эту книгу.

— В сельсовете? — изумляется Зуфер. — Интересно знать, почему же он вместо школы попал в сельсовет? Может быть, ты заблудился, Миргасим, так я тебе сейчас покажу дорогу в школу. Слышишь?

Но Миргасима уже и след простыл.



ЖЕРДЬ

Осенний ветер пронизывал до костей. Миргасим шагал, вобрав шею в плечи, ссутулившись; земля чавкала под мокрыми башмаками. Тонкий, как паутина, мелкий дождь словно повис в воздухе. Домишки стояли будто заплаканные. Заборы почернели.

А в школе было еще холоднее, чем на улице, даже пар изо рта шел, потому что печку еще не топили ни разу. Не было дров, их не на чем было привезти: колхозные лошади все в работе — вывозили хлеб на станцию.

— Миргасим, почему ты в шапке сидишь? — спросила Фатыма-апа.

— Очень холодно, — вздохнул Миргасим, — у меня уши отмерзли.

— Да, холодновато, — согласилась Фатыма-апа, зябко кутаясь в свою белую шаль. — Вот если бы... — подумав, начала она, — если бы каждый ученик принес из дому топлива хоть на один день, то нам бы этого надолго хватило, а как ляжет снег, на санях-то уж обязательно привезут в школу дрова из леса.

— Правильно! Ладно! Принесем! — обрадовались ребята.

И вот в воскресенье утром Миргасим взял ручную те-

лежку и подкатил ее к заготовленному на зиму стогу соломы.

— Ты это что делаешь? — крикнула мать, увидав, что Миргасим тянет солому из стога.

— Фатыма-апа сказала, чтобы каждый ученик принес топлива на один день. Я возьму соломы и отвезу в школу.

— А тебе кто позволил? Летом все носили солому с поля, а ты хоть одну вязанку принес? Оставь эту солому, она не твоя.

Что же делать? Миргасим задумался, а потом пошел под навес, где лежали сложенные стеной сухие кизяки. Но, когда он протянул руку к этим бурым кирпичам, в окно постучала бабушка.

— Зачем берешь кизяки? — спросила она, выйдя на крыльцо.

— Бабушка, учительница велела принести топлива на один день.

— Я тебе летом давала мешок, просила: «Миргасим, собери навоз», а ты хоть раз собрал? Я тебя просила: «Пожалуйста, Миргасим, помоги навоз топтать», а ты топтал? Нет, я тебе ни одного кизяка не дам.

— Бабушка, ведь надо в школе печку топить, Фатыма-апа велела.

— Конечно, надо печку топить. Сходи за реку и наломай сухого репейника.

— Бабушка, ну, сама подумай, много ли я притащу!

— В один раз немного, в другой раз немного, так понемногу и станет много.

Делать нечего, Миргасим надел шапку-ушанку, подпоясал армяк веревкой, чтобы было чем обмотать вязанку, и направился к двери.

— Постой, внучек, ты рукавицы забыл, — и бабушка протянула ему свои старые, толстые, обшитые холстом и кожей рукавицы.

— Да это торбы, а не рукавицы, — рассердился Миргасим. — Так я и пойду в них, чтоб меня ребята засмеяли!

Он закинул бабушкины рукавицы на печку, а сам потихоньку от бабушки взял пестрые шерстяные варежки, которые сестренка Шакире связала себе на зиму.

«Эх, до чего же нарядные! Почему она мне такие не свяжет?»

Миргасим спрыгнул с крыльца, поднял голову и запел. День был сухой, морозный, и кое-где на заборах уже поблескивал иней. Продолжая петь, Миргасим спустился к берегу, подбежал к бревну, которое было перекинуто через речку, и остановился. Над бревном на двух стойках кто-то положил жердь.

«О-о, теперь здесь настоящий мост с перилами, как по дороге на станцию!»

Миргасим полюбовался мостом, перебежал по бревну и начал ломать сухие стебли репейника. Они слегка потрескивали под рукой и ломались без всякого труда. Еще совсем недавно, летом, когда Миргасиму захотелось сорвать ярко-малиновый цветок, он только напрасно изодрал до крови руки, такой крепкий и колючий был стебель. Над этой поляной все лето, как веретена, жужжали шмели и пчелы; цветов было так много, что вся поляна казалась розовой, и пахло здесь медом, как на пчельнике. А теперь цветы высохли и стали похожи на хлопья грязной ваты. Колючки тоже высохли и сделались совсем тонкими, незаметными. Миргасим сначала даже забыл о них. Но сухие колючки застряли в шерстяных варежках и впились в ладони.

«Ой, как больно! Почему я не взял бабушкины рукавицы? — чуть не плакал Миргасим. — Уж давно бы наломал я большущую охапку, а сейчас больше не могу!»

Руки Миргасима зудели и чесались. Он снял варежки и начал вытаскивать колючки из ладоней.

«Где ж я теперь топлива возьму? Неужели бабушка ни за что мне кизяков не даст? Вот покажу ей свои руки. Пусть посмотрит, как репьи ломать».

Он повернул домой, но у мостика снова остановился, опять посмотрел на перила: «А что, если я притащу в школу эту жердь вместо репьев? Кому она нужна здесь? Ведь ходили и без нее по бревну».

Недолго думая, Миргасим ухватился за жердь и поволок ее за собой.

— Как хорошо мы придумали! — радовалась Фатыма-

апа, глядя на вороха соломы, полыни, на стопки кизяка.— А вот и Миргасим.

— Посмотрите, посмотрите, какое он дерево тащит! — закричали ребята. — Уж теперь-то мы печку натопим!

— Только давайте, — сказала Фатыма-апа, — сейчас же всё в сарай уберем. Как бы снег не пошел, тогда все отсыреет.

Школьники весело принялись за работу. Кто бросал в сарай полынь, кто складывал кизяки под навес. Фатыма-апа вилами подавала солому Абдулу-Гани, который утаптывал ее на сеновале под крышей.

Один Миргасим не брался за дело. Он прислонил свою жердь к забору и стоял, задрав нос: дрова-то ведь только он притащил. Это вам не репейник, не полынь!

— Миргасим! — обернулась к нему апа. — Ты бы за пилой сбегал, твое дерево распилить надо.

«Вот это хорошо, — обрадовался Миргасим, — тогда уж никто не узнает мою жердь!» И он побежал за пилой.

Но что это? Словно гусиный пух летит по улице. Вот на руку упала легкая белая звездочка и тут же растаяла. Ведь угадала Фатыма-апа! Снег пошел!

Когда Миргасим с пилой на плече возвращался в школу, он услышал отдаленный гул. Что такое? Миргасим поднял голову и увидел в небе самолет. Это была долгожданная почтовая машина из Казани. Она летела так низко, что Миргасим ясно видел колесики на шасси и звезды на крыльях.

Осенью по топким дорогам лошади вязли по брюхо, и почту привозил сюда самолет. Сегодня в этом году был его первый рейс.

Забыв обо всем на свете, Миргасим бросился к реке, за которой всегда приземлялась машина. Миргасим видел, как ребята гурьбой высыпали из школьного двора, и побежал туда же, за речку.

«Вот хорошо будет, если я прибегу первый!»

Он бегал быстрее всех в классе и, конечно, прибежал бы первым, да, к несчастью, под ногу подвернулся камень. Миргасим споткнулся, пила подпрыгнула, он едва успел увернуться. Острые зубья только слегка царапнули щеку. Ах, эта пила! Миргасим решил вернуться домой.

Он даже в сени не вошел, открыл дверь и поставил пилу к стенке. Но сестренка Шакире все же успела поймать его на крыльце и шлепнула его как следует за свои варежки. Это было очень обидно. А Миргасим так спешил, что даже не дал ей сдачи. Он выскочил на улицу и побежал встречать самолет. Снег уже падал крупными мокрыми хлопьями, ветер дул в лицо, но Миргасиму было не до погоды. Еще никогда не бегал он так быстро. Но самолет уже успел приземлиться.

«Ну и пусть. Подумаешь, не видал я, что ли, посадки! — утешал себя Миргасим. — Зато уж обязательно посмотрю, как самолет взлетит, а может быть, и сам влезу в кабину да и улечу. Это ведь не гуси, а настоящий мотор. Только бы он не улетел без меня, только бы не улетел...»

— Ашенгерби, шуубрахман, гюль-гюль-арда... — шепчет Миргасим на ходу свои волшебные заклинания. — Я сейчас, сейчас, не улетай, не улетай без меня.

Бревно, перекинутое через речку, словно ватой окутал рыхлый первый снег. Миргасим ступил на бревно, но тут же поскользнулся, уцепиться было не за что. И — бух! — пробив тонкую ледяную корку, Миргасим упал в воду.

Эту речку летом куры переходят вброд, да и сейчас в ней воды всего по колено. Потонуть, конечно, не потонешь, но искупаться в такую пору мало радости.

«Надо выбираться поскорее, — думал Миргасим, — пока никто не видел, как я упал, а то еще вспомнят про жердь!» Он встал на ноги, но тут же вскрикнул от боли: на ногу нельзя было ступить. Пришлось выбираться на четвереньках. То и дело срываясь, Миргасим поднимался на берег, цепляясь руками за сухую траву, за крапиву. Наконец кое-как вскарабкался и тут же плюхнулся на землю. Где уж тут бежать провожать самолет! В небе опять загудело, и снова над головою проплыли крылья со звездами, мелькнул хвост, и самолет ушел в облака.

Миргасим все еще сидел на берегу, а ребята уже возвращались с поляны, проводив машину. Они успели посмотреть, какая в самолете кабина, что за шлем у летчика. Они о чем-то громко спорили и смеялись.

— А ты почему здесь сидишь?

— Почему не пришел самолет встречать?

— Что случилось? — спрашивали они Миргасима.

Миргасим весь посинел от холода и боли, но короткий нос его, как всегда, смотрел вверх.

— Дело есть, вот и не пришел, — загадочно ответил он.

— Э, э, да он весь мокрый! — удивился Фаим.

— А ты как думал, из реки люди сухими выходят? — И, боясь, чтобы ребята не догадались, что он упал, Миргасим таинственно добавил: — Такое уж мне поручение дали!

— Поручение?

— В речке?

— Врешь ты!

— Нет, не вру, но это тайна. Я поклялся насущным хлебом. Уходите скорей, здесь нельзя стоять никому!

— Почему?

Миргасим так прозяб, ему так хотелось поскорее домой, но сначала нужно было прогнать отсюда мальчишек, чтобы они не видели, как он поползет на четвереньках.

— Уходите же!

— Зачем?

— Ну вот, «зачем, зачем», я-то почем знаю? Председатель так велел. Бегите скорей в правление, там сами узнаете. Туда телеграмма из Казани пришла.

Телеграмма? Из Казани? И мальчишки взапуски бросились в деревню.

Хоть Миргасиму было очень больно, но он не мог не рассмеяться. Он подождал немного, а потом, опираясь на руку и уже не сдерживая слез, на четвереньках потащился домой. Он ввалился в избу и тут же сел на порог.

— Ты мог бы в сенях снять башмаки, — сердито сказала мать. — Зачем тащить грязь в комнату? Пожалел бы Шакире, она только что пол вымыла.

Миргасим молча расшнуровал чимбиоки, но, снимая с распухшей ноги башмак, не утерпел и вскрикнул.

— Шакире, оставь его, — сказала, не оборачиваясь, мать.

— Да я его и не трогаю, — обиделась девочка.

Хорошо, что маленький фитилек горел тускло и ба-

бушка не видела, что внук весь мокрый. Волоча ногу, Миргасим по стенке добрался до своей войлочной подстилки, скинул на пол мокрую одежду и укрылся с головой одеялом.

— Иди ужинать, — позвала мать.

Но Миргасим не мог даже ответить.

— Второй раз звать не буду, иди! — сердито сказала мать.

Миргасима знобило, он закрыл глаза, зевнул, но уснуть не мог.

Жужжит бабушкино веретено. Спокойно, ровно дышит во сне сестренка Шакире, мирно похрапывает брат Зуфер, о чем-то очень долго рассказывает бабушке мать. Услыхав слово «жердь», Миргасим откинул одеяло, поднял голову и прислушался.

Никогда еще не видел он, чтобы мать сидела сложа руки. Вот и сейчас она шьет Миргасиму новую рубаху и рассказывает.

— Понимаешь, аней[1], — говорит она бабушке, — так мы, все доярки, обрадовались: наконец-то приладили жердь к мосткам. Ну, думаем, теперь можно будет ходить на сливной пункт короткой дорогой. И подумать только, кто успел эту жердь так скоро стащить?

— Ах, — говорит бабушка, — чтоб ему руки переломало, вору бессовестному!

— В самом деле, — соглашается мать. — Если у такого человека рука отсохнет, не жалко.

— Ладно уж, хватит вам! — стонет Миргасим. — Я и так из-за этой жерди ногу свихнул.

---

[1] Аней — по-татарски мать.

БУРАН

Ну и мороз был! Только высунешь нос из избы, сразу заиндевеют ресницы, а пока ребята в школу бегут, уж обязательно кто-нибудь закричит им вдогонку:

— Эй, щеку, щеку снегом потри — совсем побелела!

Дым из труб поднимался прямо, будто белые столбы подпирали небо. А снег даже звенел, если топнуть ногой, твердый, хоть топором его коли. Воробьи, словно темные комочки нечесаной шерсти, сидели на жерди, взъерошив перья, а если запустить в них снежком, они только пищали в ответ: «Чуть жив, чуть жив!» и оставались сидеть под навесом.

Уже три дня в школе не учились, но мальчишкам невмоготу было сидеть дома на печке. А на улице замерзнешь стоять без драки, и Миргасим, пользуясь случаем, тузил во-всю своего вечного врага — остроносого Фаима.

На крыльцо вышел дед Фаима:

— Сейчас же домой бегите! Слышишь, Миргасим? На небо взгляни-ка.

Своей длинной клюкой старик указал на восток. Там, далеко в ярко-синем небе, словно белые овцы столпились облака.

С сугроба поднялась, взмахнув крыльями, ворона и, каркнув, полетела низко-низко. Столбы дыма будто пополам сломились. Дым распластался, повис над самыми окнами.

— Печь залей! — крикнул дед Фаима своей старухе. — Буран идет!

Потянуло понизу. Тонкой простыней поднялся с земли снег и, свернувшись сугробом, лег у плетня. Миргасим во весь дух помчался домой.

Деревенька раскинулась посреди широкой безлесной равнины. Она кругом открыта всем ветрам, поэтому так свирепствуют здесь бураны. Подгоняемый ветром снег сыплет и сыплет. Ни деревца нет, ни кустика, чтобы его задержать. Бывает, что по самые крыши всю улицу снегом заметет, тогда сиди, как в плену. Жди, пока тебя соседи откопают.

Привычные к зимним буранам хозяйки спешат затащить в избу корм скотине, набрать воды, натолкать снегу в бочки, если колодец далеко. Овец, гусей, кур, коров загоняют из хлева в дом.

Миргасим как на крыльях летел: надо было дома всех предупредить, что буран идет. Но, когда он пришел домой, матери уже не было, она ушла на ферму спасать от бурана колхозных коров. Зуфер, всегда готовый помочь, побежал с ней. Сестренка Шакире обувалась, она спешила к своей неразлучной подружке Гюльбарихан, которая жила с больной матерью. Они были совсем одни на свете. Не успеть им натаскать воды, запасти соломы.

— Иди, иди скорее! — беспокоилась бабушка, укутывая Шакире в свою пуховую шаль.

Миргасим тоже схватился за шапку.

— А ты куда?

— Бабушка, я ставни прикрою.

— Нет, это я сама сделаю, мой внук. Если стекло разобьешь, где теперь новое достанем?

Бабушка вышла. Одна за другой закрылись ставни в окнах, и в комнате сделалось, как ночью, совсем темно. Бабушка вернулась и зажгла фитилек. Миргасиму стало не по себе. «А на улице-то сейчас как? — думал он. — Ночь или день?»

— Куда ты бежишь? — остановила его бабушка

— Я гусей в дом загоню.

— И близко не смей к ним подходить! Всю птицу распугаешь. Как потом в буран соберешь ее?

Тогда Миргасим снял со стены кнут.

— Я овец приведу.

— Еще что выдумал! Овцы тебя, как волка, боятся.

Бабушка опять вышла, и скоро с тревожным блеянием, стуча копытцами, взбежали на крыльцо овцы; гогоча, вошли в избу гуси.

«Надо бы за водой сходить», решил Миргасим и, чтоб освободить ведро, перелил из него ковшом воду в котел.

— Вот спасибо тебе, мой внук, догадался ведра опростать.

— Я за водой схожу, бабушка.

— Сколько раз повторять буду? — рассердилась бабушка. — Сиди дома, слышишь?

Она взяла ведра, хлопнула дверью, и Миргасим остался один. В трепетном свете фитилька то блеснет глаз овцы, то вынырнет из темноты красная лапа гуся.

«Неужели там, на улице, светит солнце?»

Шуршат тараканы за печкой, стучит клювом гусыня под кроватью, вздыхают овцы за перегородкой в углу. Вся изба полна таинственным шелестом, топотом, шорохом. По потолку движутся длинные тени.

Прежде в такие дни заберется Миргасим бывало на лежанку, спрячет голову под подушку, чтобы не слышать, как хлопают ставни, и уснет, прикрытый отцовским тулупом, прижавшись потеснее к Мустафе, любимому брату. Но Мустафа в армии, отец тоже воюет, а тулуп отца мать отдала в подарок бойцам на фронт.

— Вернется — новый справим, — сказала она.

«Уу-х, ух!» ударяет ветер в стену.

«Буран-то как разыгрался!» беспокоится Миргасим.

Хоть бы бабушка поскорее пришла! Найдет ли она в такую метель свою избу? Ведь она сама рассказывала, как дедушка один раз ехал из лесу и деревни не нашел, потому что буран закрутил, завертел его. Ну, и решил дедушка: пускай хоть лошадь домой прибежит. Распряг и пустил ее, а сам поставил оглобли, опрокинул сани и залез

под них. Замело, занесло эти сани, и только по оглоблям смогли дедушку отыскать. Он пролежал под санями два дня и был еще жив, но с той поры совсем пропал у него голос...

Миргасим вдруг вскочил в испуге. А что, если избу совсем, с трубой, занесет? Он тут же оделся, выскочил в сени, схватил вилы, привязал к ним свой красный кушак и вышел во двор. Снег падал сплошной пеленой, которая окутывала и небо и землю. Но Миргасим все же забрался по приставной лестнице на крышу и прикрутил вилы веревкой к трубе. Пока он возился, снизу все сильнее дуло да поддувало.

«И-и-и!» как тысячи комаров засвистел ветер и сорвал с Миргасима шапку.

«У-у-у!» завыло все кругом.

Миргасим обхватил руками трубу, чтобы ветер не унес и его вместе с шапкой.

«Бух-ух!» — и лестницы как не бывало. Ветер свалил ее, снег засыпал.

Бабушка, тяжело дыша, втащила воду в дом.

— Миргасим, подай-ка мне веник, внук! Ох, да стряхни-ка снег с моих сапогов, устала я.

Но никто не отозвался.

— Миргасим! — позвала она еще раз.

Ответа не было.

Бабушка заглянула в комнату и при свете фитилька увидела, что Миргасимова тулупчика на гвозде, куда она сама его повесила, нет.

«Неужели Миргасим убежал?»

Не веря себе, бабушка снова вышла на крыльцо. За хлопьями снега ни хлева, ни плетня нельзя было разобрать. Задыхаясь от ветра, который забирался под платок, бросал в лицо комья снега, старуха, охая, сошла вниз.

— Миргасим, Миргасим!

Сугробы намело под самую крышу. Порыв ветра сбил бабушку с ног. И только тут, упав навзничь, она увидела занесенную снегом горбатую крышу и красный лоскут над ней.

— Уф, алла, даже сердце закололо. Конечно, это Миргасим выдумал!

Опираясь на лопату, бабушка поднялась и сквозь сыплющийся снег разглядела наконец своего внука. Он сидел скорчившись, обняв трубу, весь засыпанный, белый.

— Сейчас же прыгай вниз, хайван! — не своим голосом закричала бабушка.

— Бою-у-усь!

— Ах ты, ишак, тейли! — первый раз в жизни ругалась такими словами добрая бабушка. — Прыгай, или я брошу в тебя лопатой!

— Не мо-гу-у!

А ветер громыхал так страшно, словно в небе рвалось железо и рушились камни.

— Прыгай, душман!

И, размахнувшись, бабушка бросила лопату вверх. Миргасим испугался, разжал руки и скатился прямо к ногам бабушки.

— Я бы давно прыгнул, если бы знал, что так мягко, — чуть шевеля посиневшими губами, сказал он. Поднялся и спрятался от ветра за бабушку.

Обнявшись, поддерживая друг друга, они взобрались на крыльцо и вдвоем, налегая изо всех сил, еле открыли дверь. Едва успели они войти в сени, как ветер тут же захлопнул за ними дверь.

Бабушка заперла дверь на крюк и принялась тереть Миргасиму снегом лицо и руки, приговаривая: «О, хайван, о, хайван!» И еще долго бранила она внука, а это вовсе не похоже было на нее. Поэтому Миргасим долго не решался заговорить с ней. Наконец не вытерпел:

— Бабушка, кто-то стучит там, надо впустить!

— Это ветер стучит.

— Да нет же, бабушка, плачет кто-то за окном.

— Ветер, ветер, внучек, плачет. Ложись, спи. Время во сне скоро бежит.

Ух, как хорошо стало на душе у Миргасима! Бабушка больше не сердится.

— Бабушка, а баранам-то что пить, а гусям?

— Ложись, глупый, я в сени целую кадку со снегом затащила, оттает. Спи спокойно.

— Да ведь сейчас день, я не хочу спать...

Но глаза Миргасима сами собой слиплись, голова упала на подушку, и он крепко уснул.

Уж очень устал он и замерз там, на крыше.

* * *

Много или мало он спал, Миргасим сам не мог понять.

В избе попрежнему горел фитилек, бабушка попрежнему сидела на кровати, перебирая четки, ветер попрежнему завывал в трубе.

«Это еще ночь», думает Миргасим и снова ложится, но теперь спать ему уже в самом деле не хочется.

«Уууу!..» все еще выл ветер.

«Трах, трах, трах!..» будто выстрелы гремели.

Но вот среди этого лязга и свиста Миргасиму послышался звук совсем новый, нежный, как звон свирели.

— Бабушка, что это?

— Пока ты спал, у нас за печкой ягненочек родился. Это он кричит теперь. Хочешь посмотреть?

Осторожно прикрывая рукой, как щитком, колеблющееся пламя, бабушка понесла фитилек за печку, чтобы показать Миргасиму нового жильца в этой избе, еще одно живое существо, только что появившееся на свет. Оно стояло на длинных, белых, чуть согнутых, еще дрожащих ножках с розовыми копытцами. Бабушка опустила фитилек, и Миргасим увидел мордочку с ясными, почти совсем прозрачными глазами и белыми ресницами.

Ягненочек открыл рот:

— Бе-е...

Тяжело дыша, обернулась на этот зов большая черная овца, мокрая от пота. Шерсть слиплась у нее на лбу и боках, которые то вздымались, то опускались. Передней ногой овца все била и била по полу. Ягненок расставил передние ножки и потянулся мордой под брюхо матери.

— Не надо теперь смотреть, Миргасим, — сглазишь. Он сосет в первый раз.

И бабушка увела внука в другую половину избы.

— Бабушка, ночь сейчас или день?

— Я думаю, день, мой внук.

— Нас совсем занесло, бабушка? Можно я выйду посмотреть?

— Не открывается дверь, мой внук.

— О чем ты все молишься, бабушка?

— Сам знаешь, каково в такую метель на фронте. Как-то там сегодня твоему отцу и брату Мустафе...

Когда дождь в деревне идет, бабушка думает, что и на фронте дождь. Если снег, значит и на фронте метет.

Овцы тревожно блеяли, гуси гоготали. Бабушке надоело отвечать, а Миргасиму надоело спрашивать. Он побежал за печку, взял на руки маленького, словно игрушечного барашка и сразу согрелся его теплотой.

— Бабушка, теплее, чем в овчине.

— Еще бы! Живое согревается живым.

Ветра уже не слышно, но вокруг избы что-то шорхает, слышится какой-то странный, равномерный скрип, стук под самыми окнами.

Миргасим опустил барашка на пол.

— Бабушка, слышишь? Да слушай же!

Но у бабушки в ушах всегда шумит.

— Это ветер, ветер, внук мой, — бормочет она.

Миргасим прислушался. Нет, совсем не похоже на ветер.

Это голоса за стеной, голоса людей. Стук лопат под окнами слышался совсем явственно. Даже бабушка наконец подняла платок, открыла ухо, прислушалась.

Хлопнули ставни, и в комнате сразу стало светло.

— Эй, — кричат там, за дверью, — впустите, мы откопали вас!

Какое ясное небо за окном и как сияет снег! Миргасим побежал в сени, сбросил крюк. Снаружи рванули дверь, и вот, притопывая, отряхиваясь, в комнату вошел огромного роста боец, за ним брат Зуфер, мать.

У бабушки глаза заслезились от яркого света. Миргасим тоже сощурился, чихнул и вдруг завизжал тонким, пронзительным голосом:

— Брат Мустафа приехал! — и кинулся громадному сержанту на шею.

Ух, какие у него шершавые щеки! Колючий подбородок, как у отца.

— А у нас отцова бритва цела, — засмеялся Миргасим.

Брат Мустафа бережно, как маленького, опустил Мир-

гасима на пол, словно он сам не мог соскочить, и подошел к бабушке.

Бабушка нежно похлопала сержанта по широкой спине и заплакала.

— Мустафа, внук Мустафа! Дожили мы! — всхлипывает она.

Мать уже возилась у печки — надо было скорей накормить дорогого гостя. А Мустафа обернулся к Зуферу и зовет его:

— Идем, идем! Нам люди помогли откапывать, теперь мы должны другим помочь.

Они захватили лопаты и ушли.

А мать рассказывала бабушке:

— Мустафа говорит, что над нашей избой красный флаг висел. Это, видно, Зуфер догадался, устроил. Чтобы легче было избу найти... Что с тобой, Миргасим? — услыхав тяжелый вздох, обернулась мать. — Отчего ты весь красный?

— Это я поставил флаг, а не Зуфер, — прошептал Миргасим.

— Ах, разбойник, настоящий разбойник! — рассердилась мать. — Кто тебе позволил лезть на крышу в такой буран? Ну, погоди, погоди, озорник: я теперь все, все про тебя брату Мустафе расскажу!

ЕЛКА

Миргасим высунул руку из-под одеяла и протянул ее за своими валенками, которые всегда стояли на полу у печки. Но рука наткнулась на мешок. Рядом лежал длинный сверток. Откуда все это здесь? Зевая, Миргасим протирал слипающиеся глаза. И вдруг лицо его прояснилось радостной улыбкой: брат Мустафа вчера приехал!

— Брат! — ласково позвал Миргасим.

Никто не откликнулся.

— Брат Мустафа, зачем спрятался?

В комнате попрежнему было тихо. Бабушка в чистом ситцевом халате, в белом платке стояла на кровати и бормотала молитву.

— Бабушка, Мустафа куда девался?

— Ла-алла иль алла Мухамед ресуль-алла. Алла-акбер...

Она молилась. Теперь хоть говори ей, хоть нет, все равно не ответит.

Мать, похлопывая ладонью по краю решета, сеяла муку в деревянное корытце, а тесто уже вздыхало в укутанном теплой шалью горшке.

— Мама, брат Мустафа где?

— Ушел в военкомат.

— И я туда сейчас пойду.

Не успела мать остановить его, как Миргасим уже убежал. Разрумяненный от бега, с блестящими глазами влетел он на крыльцо избы военкомата.

— Куда идешь? — схватил его сторож за кушак.

Но кушак остался в руках старика, и Миргасим ворвался в комнату начальника. За столом против двери сидел брат Мустафа, а рядом с ним сам товарищ военком. Оба сидели наклонившись над бумагой и читали так внимательно, что даже не заметили Миргасима.

«Сейчас скажу ему, — собирался с духом Миргасим, — что мать пироги сегодня печет, что отпустите брата Мустафу домой, потому что мы без него ох и соскучились!»

Но не пришлось Миргасиму рта открыть. Начальник поднял голову и так нахмурился, что Миргасим испугался.

— Это ваш мальчик, кажется? — обернулся начальник к брату Мустафе.

Брат вскочил из-за стола, повернул Миргасима за плечи, выставил его в сени и закрыл дверь.

В сенях молоденький дежурный сердился на сторожа:

— Зачем пускаешь без доклада к начальнику?

Тихонько спустился Миргасим с крыльца. Лицо его горело, но не от мороза. Он шагал, не разбирая дороги, не смея оглянуться. А вдруг кто-нибудь видал, как брат Мустафа вытолкал его? Вон как раз против военкомата собрались все мальчишки. Вытянув свою хитрую лисью мордочку, стоит Фаим, длинный Темирша надевает лыжи. Тут и Фарагат и Абдул-Гани.

— Эй, Миргасим, — закричал Фаим, — Миргасим, это правда, что брат Мустафа...

«Сейчас скажет: «Мустафа тебя вытурил», испугался Миргасим и бросился бежать. За ним на лыжах пустился длинноногий Темирша. От него не удерешь. Придется драться. Миргасим обернулся — и давай тузить Темиршу. Пока неуклюжий друг отбивался, подоспели и остальные ребята.

— Миргасим, — опять запищал Фаим, — Миргасим, это правда, что брат Мустафа...

Но он не успел кончить — Миргасим сбил его с ног.

А тут вдруг толстый Фарагат толкнул Миргасима так сильно, что они оба плюхнулись в снег.

— Миргасим, — мрачно начал Абдул-Гани, помогая другу встать. — Миргасим, это правда, что брат Мустафа привез тебе московские пряники?

«Ух! — с облегчением подумал Миргасим. — Значит, они не видали, как Мустафа меня прогнал».

— Московские пряники? — улыбнулся он. — Ого, да еще сколько, целый мешок!

— А ты нам дашь?

— Конечно.

— Когда?

— Как придете! — сказал Миргасим.

— Давай мы сейчас пойдем к тебе. Ладно? — спросил Фарагат.

— Не-ет, вы погодите здесь, я ведь сейчас не домой иду. Мне мама велела на ферму зайти, — и Миргасим свернул в проулок.

Снег сверкал и переливался, словно радуясь морозному дню. И Миргасим весь сиял, облепленный снегом от валенок до шапки. Лукавые глаза его горели. Все-таки ловко он про московские пряники соврал! У Фарагата даже слюнки потекли. И Фаим, наверно, завидует. И про ферму как хорошо придумал! Они все разойдутся по домам, а он сейчас тоже пойдет домой. Миргасим свистнул и повернул к дому, но тут неожиданно столкнулся с мальчишками.

— Как ты скоро пришел! — обрадовался Темирша.

— Ой, хорошо, а то уж я замерз... — протянул Фарагат.

— Дай ему пряничка поскорее, он сразу согреется, — смеется Фаим.

— Мы к тебе сейчас пойдем, ладно? — не отстает Абдул-Гани.

— И-и-идемте, — заикаясь, ответил Миргасим, а сам думает: «Что ж теперь делать? Э-э, была не была, развяжу мешок. Мешок-то брат все-таки привез, даже два. Может быть, там в самом деле пряники. Или вдруг лыжи! А может, даже ружье. Мать не заметит, а бабушке я скажу: «Брат Мустафа велел сейчас же мешок развязать».

— Входите, — тряхнув головой, сказал Миргасим товарищам и открыл дверь в сени.

В сенях ребята немного оробели, долго отряхивали веником снег с валенок, топтались. Миргасим толкнул дверь в горницу, но тут и сам смутился. В избе собралось народу больше, чем на собрании в сельсовете. Старики в бархатных высоких шапках сидели, скрестив ноги, на просторной, покрытой пестрым рядном бабушкиной кровати. Женщины в широких белых платках и белых фартуках собрались в кружок на нарах, устланных цветастым ситцем. Там жужжали веретена, быстро двигались спицы. Кто прял, кто вязал.

— Айда на печку! — шепнул Миргасим приятелям.

Скинув валенки у порога, мальчишки тихо, по очереди влезли на печку. Уж они-то знали, как надо вести себя в гостях! Только у Фарагата нехватило терпения.

— А пряники где? — шопотом спросил он.

— Не видишь разве? — сердито ответил Миргасим. — Вон там. Там и лыжи, и пистолет, и винтовка.

Мальчишки так и впились глазами в длинный сверток. Сбоку мешковина была немного порвана, и оттуда высовывалось что-то мохнатое, зеленое, пахнущее чем-то совсем незнакомым, свежим и очень приятным.

— Врешь ты все, Миргасим, — вдруг сказал Фаим, — нет там никакой винтовки. Я пощупал: там мягкое и пахнет вроде сена. Веники там для бани, вот что.

Сестренка Шакире со своей подружкой Гюльбарихан подошли к свертку и, обнявшись, о чем-то зашептались.

Брат Зуфер в белой рубахе без пояса сидел с молодыми парнями у стены на длинной скамье и перебирал гармошку. С тех пор как приехал брат Мустафа, Зуфер как будто снова стал мальчишкой. Он дергал за косички степенную Гюльбарихан, пересмеивался с парнями, и, пожалуй, он мог бы сейчас даже связаться с товарищами Миргасима, да мешают сапоги, которые подарил ему брат Мустафа. Ногам, привыкшим к валенкам, неловко в жестких сапогах. Зианша не жалел своей скрипки. Он играл громче Зуфера, а парни пели:

Галия-Бану, соловушка,
Соловушка мой, Галия-Бану!

Краснощекие девушки в шелковых косынках стояли напротив музыкантов у другой стены и хихикали, закрываясь рукавами. Им тоже хотелось петь, хотелось плясать под удалую музыку, да они не смели. Ведь они пришли не на вечеринку, а только для того, чтобы посмотреть на Мустафу, который получил орден.

Вот наконец и сам он пришел.

— Ну, сейчас угостят нас пряниками! — опять вспомнил сластена Фарагат.

Услыхав о пряниках, Миргасим заерзал на лежанке.

— Ты у него попросишь или будешь ждать, пока он сам тебе даст? — не успокаивался Фарагат.

— Салям! — поздоровался брат Мустафа со старшими. — Как дела? — спросил он у девиц, и зубы его сверкнули в улыбке.

Потом он обернулся к Зуферу:

— Поставь этот мешок на санки, сверху положи тот сверток и рысью вези в школу Фатыме-апа.

— Э-э-э, вон они куда поедут, Миргасим, твои пряники! — усмехнулся Фаим.

Ни слова не говоря, Абдул-Гани сполз с печки, обулся и ушел. За ним убежал Темирша, ушел не солоно хлебавши Фарагат, простился и маленький Фаим.

— Они, наверно, в школу побежали, — сказала сестренка Шакире.

— Ну, пойдем туда скорее, — забеспокоилась Гюльбарихан, снимая со стены свой тулупчик. — А то не успеем все приготовить к вечеру.

И подруги убежали.

Сегодня первое января. В школе, как всегда, будет большой праздник.

«А я в школу не пойду, — решил Миргасим, — ни за что не пойду. Мальчишки дразнить будут за пряники».

Он забился в самый дальний угол печки и улегся там, зарывшись с головой в груду тряпья.

Поговорив о войне и обо всех новостях, выпив не один самовар чаю, разошлись гости. Брат Мустафа проводил их до ворот, вернулся и сел на бабушкину кровать.

— Что это Миргасима не видно? — вспомнил он. — Миргасим!

Но Миргасим не ответил.

— В школу убежал, видно, — сказала бабушка.

— Озорник он стал, — улыбнулся Мустафа.

— Ах, сынок, — вздыхает мать, — знаю, что озорник, и надо бы на него когда прикрикнуть, да как вспомню, что отца у него нет, жалко его станет.

— Зачем так говоришь, мама? Извещение тебе не пришло ведь!

Мать вздохнула.

— Случается, мама, что и хотел бы дать о себе весть, да нельзя, — утешает ее Мустафа. — Например, если отец сейчас в партизанах или в окружении. Да мало ли что еще может случиться на фронте. Но он жив, вот увидишь!

— Ах, если бы это было так... — заплакала мать.

— Мы думали отцовы сапоги на козу сменять. А ты как думаешь? — советуется бабушка.

— Не делай этого, лучше продай мой кожан. Вещи отца не трогай, мать, извещение не пришло ведь!

От этих слов матери стало легче на душе. «Извещение не пришло», повторяет она про себя, убирая посуду.

— Надо и нам в гости собираться, — говорит она, — а то председателева жена обидится. Они сегодня для нас курицу зарезали.

Бабушка надела свое широкое красное платье, обшитую золотым галуном бархатную безрукавку, достала пуховую шаль, белые чесанки с калошами. Ведь Мустафа орденоносец, нехорошо будет, если его бабушка пойдет в гости плохо одетая.

— Какая ты у нас красавица, бабушка! — шутит Мустафа.

Бабушка притворилась, что сердится, хлопнула Мустафу ладонью по спине.

— И я сейчас пойду, — сказал Мустафа. — Мне надо, мама, сегодня в школе немного помочь.

— Ладно, иди уж, — ласково улыбнулась мать. — Иди и передай это от меня Фатыме-апа, — и она подала ему завернутый в красное полотенце пирог.

Погасив фитилек, они все трое вышли из избы, оставив наружную дверь незапертой: может быть, родные из соседней деревни придут на Мустафу посмотреть.

Миргасим остался один-одинешенек в темной избе. По щекам Миргасима текли слезы, он слизывал их языком; ему хотелось плакать громко, жалобно, но он боялся. Очень страшно подать голос, когда сидишь совсем один в темноте. Вдруг дверь распахнулась.

— Миргасим, ты здесь? — узнал он голос Абдула-Гани.

— Чего надо?

— Сейчас же собирайся, брат Мустафа велел тебя в школу притащить. Ох, у нас там елка какая!..

— Елка? Врешь ты. Елки в городе бывают.

— Твой брат и привез ее из города.

Мальчишки этой деревни никогда не бывали в лесу. Старшие ходили летом за тридцать километров в березняк за вениками для бани. Такие были душистые, зеленые на этих вениках листья! Но зимой березы остаются совсем без листьев, голые, как метла. Только одно дерево, говорят, и зимой стоит зеленое — это ель. Про нее Миргасим знал много стихов, и в книжке на картинках он елку видал. Неужели сейчас там в школе он увидит живую, настоящую елку?

И Миргасим не стал ждать уговоров, оделся и побежал с Абдулом-Гани в школу. Приятель еле поспевал за ним.

И вот перед глазами встала елка, живая, пушистая, с ветвями, словно поднятые флаги, точь-в-точь такая, как на самой веселой картинке в букваре. На ветках горели свечи. Миргасим прищурился, иней на его ресницах оттаял, и от этого каждая свечка виделась, как две. Мальчик стоял не шевелясь, не сводя глаз с этой елки, которую брат Мустафа привез сюда из города.

Миргасим подошел и ласково положил свою руку на колено брата. Ему хотелось поговорить с ним про елку, про войну.

Он любовно заглянул в глаза Мустафы, но сразу насупился: брат смотрел на Фатыму-апа.

«И чего смотреть на нее? — думал сердито Миргасим. — В косах голубые ленты, а волосы растрепались. Даже косынка упала с головы на плечи. Вот бессовестная! Обязательно бабушке расскажу, — решил он, — расскажу, что учительница была без косынки».

Костлявый Зианша ударил смычком, и запела, заиграла скрипка. Девочки приподняли двумя пальцами края фартуков. Впереди всех тоненькая Гюльбарихан. Она будто не по полу идет, а по льду скользит, мелко-мелко перебирая ногами...

Чтоб апипэ проплясать,
Нужен нам железный пол.
Должен на полу стоять
Серебром обитый стол...

Следом за любимой подругой семенила в танце сестренка Шакире, за Шакире — все девочки. За девочками вошли в круг с руками, заложенными за спину, мальчики. Они притопывали точь-в-точь как взрослые мужчины. Как хорошо, как весело на елке! И, забыв обо всех своих обидах, Миргасим начал плясать вместе со всеми.

На серебряном столе
Блюдца с чашками стоят.
На подносах золотых
Рыбы красные лежат.

Поправляя на ходу свои косы, смеясь, танцовала с девочками и сама Фатыма-апа.

Чтобы рыбу разрезать,
Нож красивый надо взять.
А к ножу идет джигит,
Он в боях был знаменит.

Мустафа сорвался со своего места и, танцуя, подлетел, заложив руки за спину, к Фатыме-апа.

«Этого еще нехватало!» Миргасим разозлился, выбежал из круга, стал вверх ногами и так, на руках, снова ворвался в круг.

— Ай, ой! — рассмеялись все и бросились в разные стороны.

— Нехорошо так! — схватила его за подол рубахи сестренка Шакире.

Но Миргасим не унимался. Ему хотелось выкинуть что-нибудь такое, чтобы брат Мустафа забыл про учительницу и смотрел бы только на него. Заложив два пальца в рот, Миргасим хотел было свистнуть на всю комнату, но вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел дед. На

голове у него была высокая шапка, за плечами мешок, а борода висела до самых колен. Миргасим даже запищал от радости, как девчонка.

— Смотрите, смотрите, у него мочалка вместо бороды, а на голове это нашей бабушки шапка!

Сестренка Шакире чуть не плакала:

— Замолчи наконец, Миргасим!

Но Миргасим не мог замолчать. Он добился своего: брат Мустафа уже не смотрел на учительницу, он глядел только на Миргасима и смеялся.

— Эй, — звенел голос Миргасима. — Эй, бабай! Зачем этот мешок у брата Мустафы украл?

— Что ты говоришь, Миргасим, — возмутилась Шакире, — как не стыдно тебе? Дед Мороз не может украсть.

— Да это вовсе не дед Мороз, это брат Зуфер. Не видишь ты, что ли?

На помощь Шакире подошла всегда такая спокойная Гюльбарихан, бледная от гнева. У нее, так же как и у Шакире, на правом рукаве был красный бантик, потому что они здесь на вечере были главные распорядительницы.

— Почему ты так бесишься, Миргасим, интересно знать? — начала Гюльбарихан. — Хочешь показать брату Мустафе, какой ты хулиган, да?

Миргасим отвернулся: конечно, он хулиган, но зачем Мустафе это знать?

Фатыма-апа начала гасить свечи, а Мустафа зажег большую лампу. При ярком свете лампы елка показалась Миргасиму маленькой. Он только сейчас разглядел, что звезды сделаны из картона, бусы — просто-напросто ягоды шиповника, золотые корзиночки сплетены из соломы, а вместо птиц качаются на ветках разрисованные шишки с бумажными хвостами.

— Смотри, — шепчет своей подружке Гюльбарихан, — ваш Миргасим успокоился наконец.

Дед Мороз развязал свой тяжелый мешок и начал раздавать пакеты с подарками. В каждом пакете по две конфеты, по два пряника, по четыре очищенных морковки и конопляные семечки.

— Московские пряники! — радовался Фарагат.

— Эге, пряники!

— В самом деле, пряники! Правду, значит, Миргасим сказал.

Все столпились вокруг деда Мороза. Только Миргасим стоял в стороне.

«Зачем, зачем я смеялся над дедом?»

— Что же ты не идешь за подарком? — спросил брат Мустафа.

Миргасим молчал. Он боялся Зуфера, но уж если сам Мустафа велит взять подарок, значит бояться нечего. Придется Зуферу угостить его. И Миргасим смело подходит к деду Морозу.

— Дай!

— Дам, дам, не беспокойся. Когда брат Мустафа уедет, так дам, что долго будешь помнить, — прошептал Зуфер, но вслух, громко он сказал совсем другое: — Получи от старого деда подарок на Новый год, — и протянул Миргасиму ярко-желтый пакетик с удивительным цветком.

Один лепесток у этого цветка был голубой, другой розовый, третий белый, четвертый малиновый и лиловая серединка. Пестрый, как радуга, цветок. Такой пакет и разорвать-то жалко.

— Ой, ха-ха! — рассмеялся Фаим, разглядывая этот цветок. — Хи-хи, Миргасиму досталась девчонская картинка! — И он показал приятелю свой мешочек: там был нарисован боец в черной бурке, с саблей наголо; он мчался верхом на красном коне.

Миргасим с досады бросил свой пакет на пол. Мешочек упал цветком вниз, а на другой-то стороне оказался серебряный аэроплан с золотым пропеллером!

— Ха-ха-ха!

Миргасим был так рад, так счастлив!

А у Фаима на обратной стороне пакета — гриб, хоть и красный, а все-таки только гриб.

* * *

— До свиданья, всего хорошего, спасибо, оставайтесь здоровы! — кричали ребята, прощаясь с учительницей.

— Будьте счастливы! — отвечала Фатыма-апа.

Миргасим отыскал в ворохе одежды свой тулупчик, шапку.

На улице было совсем не холодно. С черного неба глядели тысячи звезд. Сестренка Шакире, Гюльбарихан и брат Зуфер убежали далеко вперед, даже голосов их не было слышно, а Миргасим все стоял и смотрел на черное, как бархат, небо. Он ждал Мустафу.

— Что ты там потерял? Чего ищешь? — спросил старший брат, подкравшись сзади.

Миргасим поднял руку:

— Гляди! Вон где живут семь ханов.

— Ты уже знаешь эти звезды? — удивился Мустафа. — Я на фронте тоже часто смотрел на них, вспоминал наш дом.

Никогда еще Миргасим не видел таких больших и ясных звезд.

— Наверно, там, у семи ханов, сегодня тоже празднуют елку, — сказал он.

Уже давно не держал Мустафа в своей руке руку ребенка. До чего хрупкими кажутся ему пальцы братишки! А сам он, этот неуемный Миргасим, приходится ему чуть повыше пояса.

Под крупными звездами, среди больших сугробов такой маленькой выглядит родная избушка. Над самой крышей большим ковшом опрокинулось созвездие Семи Ханов. Ни на одно из прекрасных зданий, какие Мустафа повидал в городах, не променял бы он эту родную избенку.

«Какой он хороший! — думает Миргасим, шагая рядом со своим братом. — Привез нам пряников, устроил елку...»

— Мустафа, брат Мустафа, — говорит он, — ведь правда ты на ней никогда не женишься?

— Правда, — не разобрав вопроса, отвечает Мустафа, — правда, Миргасим, честное слово правда. Вот разобьем фашистов, и я на ней женюсь.

Миргасим сразу выдергивает свою руку, но тут же снова берет брата за борт шинели.

— Ну, ладно уж, женись. Только скажи ей, чтобы она не ставила мне плохих отметок, особенно за поведение.

— Хорошо, скажу, а ты за это не смей озорничать в школе.

У обоих братьев на щеках заиграли ямочки. Они посмотрели друг на друга и оба рассмеялись.

Миргасим старался шагать в ногу с Мустафой, но ему это никак не удавалось: очень длинные у Мустафы ноги.

* * *

Розвальни, наверное, уж давно стоят у плетня. Их запорошил снег, и лохматая лошаденка кажется совсем голубой от инея.

— Это за мной приехали, — сказал брат Мустафа. — Надо с мамой и бабушкой, со всеми проститься.

Он вошел в дом, а Миргасим остался на дворе и стал стряхивать снег с саней.

«За что я весь день сердился на брата? — печально думал Миргасим. — Зачем остался на печке, когда брат звал меня? Почему помирился с ним только сейчас, когда ему уже пора уезжать?»

Миргасим старательно взбил солому, покрыл ее мешковиной. Теперь брату хорошо, мягко будет сидеть.

«Что бы еще сделать для брата Мустафы?»

Лошадь жует, мотая головой. Похрустывает овсом.

Миргасим вынул из кармана пакетик с самолетом. Там еще осталась одна конфетка и откушенный пряник. Миргасим снял свой широкий красный кушак, завязал в него бумажный мешочек и сунул гостинец в солому, под мешки.

— Жаль, что я съел пряники! — вздыхает он. — Брат Мустафа, наверно, их очень любит.

Цена 3 р. 20 к.